

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-877-881

КАЛАНДАРИШВИЛИ Зураб Нодарович,
заведующий кафедрой теории
права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доцент кафедры теории права и гражданско-правового
образования РГПУ им. А.И. Герцена,
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

САВВИН Илья Андреевич,
аспирант 1 года обучения кафедры теории
права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов,
e-mail: ilyasavvin@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ В ИТЛ СССР В 1930-Е ГОДЫ. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому исследованию трансформации правовых основ режима содержания в исправительно-трудовых лагерях СССР в 1930-е гг. Автор анализирует динамику перехода от кодифицированного законодательства к ведомственному нормотворчеству ОГПУ–НКВД, выделяя ключевые этапы этого процесса. В работе критически рассматриваются нормативные акты периода, включая Положение об ИТЛ 1930 г. и ИТК РСФСР 1933 г., в контексте их вытеснения секретными инструкциями. Обосновывается тезис о фактической декодификации исправительно-трудового права к концу десятилетия. Сделан вывод, что подмена закона производственной целесообразностью привела к деформации правового статуса заключенного, окончательно закрепив за ним статус «производственной единицы» в рамках мобилизационной экономики.

Ключевые слова: история государства и права, исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), ГУЛАГ НКВД СССР, режим содержания заключенных, нормативно-правовое регулирование, ведомственное нормотворчество, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г., правовой статус личности, пенитенциарная система СССР.

KALANDARISHVILI Zurab Nodarovich,
Head of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences,
Associate Professor of the Department of Theory of Law and
Civil Law Education Russian State Pedagogical Herzen University,
candidate of legal sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

SAVVIN Ilya Andreevich,
1st year postgraduate student
of the Department of Theory of Law and Law Enforcement,
Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences

THE EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF THE DETENTION REGIME IN THE CORRECTIVE LABOR CAMPS OF THE USSR IN THE 1930S: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article is devoted to a historical and legal study of the transformation of the legal foundations of the detention regime in the corrective labor camps (ITL) of the USSR in the 1930s. The author analyzes the dynamics of the transition from codified legislation to the departmental rule-making of the OGPU-NKVD, identifying the key stages of this process. The paper critically examines the regulatory acts of the period, including the Regulations on ITL of 1930 and the Corrective Labor Code of the RSFSR of 1933, in the context of their displacement by secret instructions. The thesis of the actual de-codification of corrective labor law by the end of the decade is substantiated. It is concluded that the substitution of law by production expediency led to a deformation of the legal status of the prisoner, finally establishing the status of a "production unit" within the framework of a mobilization economy.*

Key words: *history of state and law, corrective labor camps (ITL), GULAG of the NKVD of the USSR, detention regime, legal regulation, departmental rule-making, Corrective Labor Code of the RSFSR of 1933, legal status of a person, Soviet penitentiary system.*

1930-е годы в истории советского государства и права стали периодом радикальной трансформации пенитенциарной системы, определившей облик правоприменения на десятилетия вперед. Именно в это десятилетие исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) выделились в самостоятельный правовой и административный институт, ставший фундаментом системы ГУЛАГа. Глубокий драматизм этого периода заключается в стремительном переходе от революционного романтизма 1920-х годов с его идеями «социальной адаптации» к прагматичному и жесткому ведомственному регулированию, где закон зачастую уступал место секретной инструкции.

Проблема нормативного регулирования режима в ИТЛ 1930-х годов выходит далеко за рамки узкотехнических вопросов содержания заключенных. Она затрагивает фундаментальный вопрос о верховенстве закона и его трансформации в условиях форсированной индустриализации. В начале десятилетия советская юридическая мысль еще пыталась облечь деятельность лагерей в форму кодифицированного законодательства, создавая сложные системы классификации осужденных и зачетов рабочих дней. Однако по мере того, как лагерная система становилась ключевым субъектом мобилизационной экономики, правовая форма начала стеснять оперативные задачи ОГПУ-НКВД.

Ключевым процессом этого времени стало формирование «параллельного» права. Формально действующие кодексы республик продолжали декларировать принципы исправления и гуманизма, в то время как реальная жизнь в лагерях регламентировалась закрытыми приказами и временными инструкциями. Эта подмена законодательного регулирования ведомственным усмотрением привела к тому, что правовой статус личности в системе ИТЛ подвергся полной деформации. Заключенный перестал рассматриваться как субъект права, подлежащий исправлению, превратившись в производственную единицу, чье

положение зависело не от буквы закона, а от выполнения производственного плана. [1]

Анализ эволюции режима в 1930-е годы позволяет проследить, как поэтапно демонтировались правовые гарантии и как карательная политика государства адаптировалась к экономическим потребностям страны, создавая уникальный в мировой истории опыт сращивания системы исполнения наказаний и государственного сектора экономики.

Начальный этап нормативно-правового регулирования режима в ИТЛ связан с необходимостью юридического закрепления новой формы изоляции — исправительно-трудового лагеря, который функционально и административно отличался от общих мест заключения (тюрем и колоний) Наркомюста. Центральным актом данного периода стало Постановление СНК СССР от 7 апреля 1930 г. «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях» (далее — Положение 1930 г.).

Анализ ст. 1 Положения 1930 г. позволяет констатировать, что основной задачей лагерей провозглашалась «охрана общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития». Режим содержания в этот период базировался на строгой классификации заключенных. Согласно ст. 15 Положения, все лица, лишённые свободы, распределялись по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления.

1. Первая категория: трудящиеся (рабочие, крестьяне и служащие), пользующиеся избирательными правами, осужденные впервые на срок не выше 5 лет и не за контрреволюционные преступления.
2. Вторая категория: те же лица, но осужденные на срок выше 5 лет.

3. Третья категория: нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления.

Особый интерес для историко-правового анализа представляет ст. 16 Положения, которая устанавливала три типа режима: первоначальный, облегченный и льготный. Переход из одного режима в другой (в рамках одной категории) зависел от трудовых показателей и дисциплины. Льготный режим допускал право на выход за пределы лагеря и занятие административно-хозяйственных должностей в управлении лагерем, а согласно ст. 30 — и проживание вне лагерей, что свидетельствует о сохранении на тот момент элементов теории «социального воспитания».

Трудовое использование заключенных регламентировалось разделом III Положения 1930 г. В частности, ст. 27 устанавливала, что рабочий день заключенных не может превышать 8 часов, а ст. 28 вводила норму о том, что нормы оплаты и охраны труда устанавливаются ОГПУ по соглашению с Народным Комиссариатом Труда Союза ССР.

Дисциплинарная практика этого периода также имела четкое нормативное описание. В ст. 44 Положения был закреплён исчерпывающий перечень взысканий: от выговора и ограничения права на получение посылок до изоляции в отдельном помещении на срок до 30 суток. При этом Раздел IV (ст. 52–53) закреплял полномочия прокурорского надзора по наблюдению за правильностью содержания заключенных, что формально удерживало режим в рамках правового поля.

Однако уже к 1931–1932 гг. правоприменительная практика начала отходить от буквы закона. Приказы ОГПУ стали вводить нормы «ударничества» и зачетов рабочих дней, которые не были предусмотрены Положением 1930 г. Это создало предпосылки для принятия Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 1 августа 1933 г. (далее — ИТК 1933 г.), который должен был легализовать сложившиеся экономические отношения внутри мест лишения свободы. [2]

Принятие ИТК 1933 г. стало высшей точкой нормативного оформления советской пенитенциарной системы 1930-х годов. В отличие от предыдущего «Положения», Кодекс претендовал на роль комплексного отраслевого закона, регулирующего все аспекты жизни заключенного через призму классового подхода.

Согласно ст. 2 и ст. 4 ИТК 1933 г., исправительно-трудовая политика преследовала цели не только изоляции, но и «перевоспитания и приспособления к условиям трудового общежития», при этом среди лишенных свободы в обязательном порядке проводилась «политико-воспитательная

работа». Правовой статус лишенного свободы в рамках данного Кодекса базировался на следующих ключевых нормах:

1. Дифференциация мест лишения свободы: В ст. 28 ИТК закреплялось деление мест лишения свободы на несколько типов, среди которых основным типом являлись исправительно-трудовые колонии (фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные). Режим в колониях массовых работ (согласно ст. 34) предназначался для наиболее классово-опасных категорий преступников и классово-враждебных элементов.
2. Экономические стимулы и труд: Статья 71 прямо устанавливала, что за все работы производственного характера «лишенные свободы получают денежное вознаграждение». Это было важным правовым механизмом: согласно ст. 62, в распоряжение лишенных свободы предоставлялось 75% заработка. Более того, ст. 78 легализовала институт — зачеты рабочих дней за особо продуктивную работу в порядке ст. 127 Кодекса.
3. Политико-воспитательная работа (ПВР): В главе 4 (ст. 66–69) Кодекс детально прописывал формы ПВР, осуществляемой через культсоветы, избираемые из среды самих лишенных свободы. Статья 68 обязывала администрацию обеспечивать обслуживание лишенных свободы школой, кино, библиотекой и театром, что формально поддерживало концепцию «исправления».
4. Дисциплинарная ответственность: Статья 79 регламентировала меры взыскания, включая перевод на режим штрафной колонии или в места лишения свободы с более строгим режимом. Важно отметить, что закон ограничивал произвол администрации: согласно ст. 80, дисциплинарные меры налагались только после личного объяснения заключенного, а по ст. 26 срок ареста не мог превышать 10 суток.

Однако историко-правовой анализ показывает, что ИТК 1933 г. содержал внутреннее противоречие. С одной стороны, он декларировал права и стимулы, с другой — ст. 7 указывала, что режим и система льгот «не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства», но на практике этот принцип подавлялся производственными задачами.

Уже к концу 1933 года начался процесс фактического «вымывания» норм Кодекса. Под предлогом секретности и «оперативной необходимости» нормы ИТК стали подменяться циркулярами

ОГПУ, которые отменяли льготы и увеличивали рабочий день, что в конечном итоге привело к формальному характеру Кодекса уже через год после его принятия.

Третий этап эволюции характеризуется фактическим вытеснением общеуголовного законодательства ведомственными актами. Началом этого процесса послужило Постановление ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1934 г. «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел».

Согласно п. 1 и п. 3 данного Постановления, в состав новообразованного НКВД СССР было включено ОГПУ и создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений. Это юридически закрепило переход исправительно-трудовых учреждений из ведения республиканских наркоматов юстиции в систему союзного наркомата внутренних дел.

Важнейшим инструментом внесудебного регулирования стало создание при народном комиссаре внутренних дел СССР Особого совещания (п. 8), которому было предоставлено право применять в административном порядке ссылку, высылку и заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет. Таким образом, правоприменительная практика окончательно сместилась в сторону ведомственных решений НКВД, что фактически девальвировало нормы ИТК 1933 г.

Юридическое значение этого перехода заключалось в том, что режим содержания перестал регулироваться открытым законодательством. Основным источником права на данном этапе стала «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР», введенная в действие Приказом НКВД № 00889 от 1939 г. Анализ данного акта позволяет выделить следующие правовые тенденции:

1. Приоритет производственной целесообразности: В отличие от ИТК 1933 г., Инструкция № 00889 ставила объем прав заключенного в прямую зависимость от выполнения производственных норм. Согласно п. 73, право на свидания предоставлялось только при условии «выполнения заключенными производственных норм». Аналогично, право пользования деньгами (согласно п. 43) и получение премиального вознаграждения (п. 45) было жестко увязано с поведением на производстве. Это создало прецедент, когда бытовой статус заключенного корректировался не судом, а хозяйственной администрацией лагеря.
2. Унификация и ужесточение дисциплинарной практики: Вторая половина 1930-х гг. озна-

меновалась свертыванием институтов «самоуправления». Согласно п. 104, меры взыскания теперь налагались «исключительно вольнонаемным составом», что фактически ликвидировало роль товарищеских судов, предусмотренных ранее ИТК 1933 г. Дисциплинарная практика приобрела подчеркнuto карательный характер: инструкция закрепила право начальника лагеря на водворение в штрафизолятор на срок до 20 суток (п. 105) и перевод на штрафной паек (п. 107).

3. Ликвидация системы правовых стимулов: Одним из наиболее значимых изменений стал отказ от принципа прогрессивного исполнения наказания. Если ИТК 1933 г. (ст. 127) предполагал широкое применение зачетов рабочих дней, то Инструкция № 00889 акцентировала внимание на наказаниях за отказ от труда. Согласно п. 35, заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а «злостные отказчики» привлекались к уголовной ответственности. Система льгот (свидания, переписка) стала инструментом кратковременного поощрения, а не правовой гарантией сокращения срока.
4. Трансформация режима содержания и надзора: Инструкция ввела жесткую милитаризацию режима. Согласно п. 4, территория лагпункта должна была быть изолирована забором из колючей проволоки или частокотлом с установкой постов-вышек для часовых (п. 6). Введение «предупредительной зоны» (п. 5) и обязательная цензура всей корреспонденции (п. 87) сформировали замкнутую правовую систему, регулируемую внутренними приказами НКВД.

К концу 1930-х гг. произошла полная «декодификация» исправительно-трудового права. Нормы ИТК РСФСР 1933 г. формально не отменялись, но их действие полностью блокировалось ведомственными актами ГУЛАГа. Таким образом, правовой статус личности в системе ИТЛ был окончательно подменен статусом «производственной единицы», чье положение определялось выполнением норм выработки и требованиями мобилизационной экономики СССР.[3]

Подводя итог историко-правовому анализу эволюции режима содержания в ИТЛ СССР в 1930-е годы, можно констатировать, что данное десятилетие стало периодом системной деформации советского исправительно-трудового права. Исследование показало, что динамика нормативного регулирования в этот период определялась не развитием пенитенциарной науки или юриди-

ческой доктрины, а жесткой адаптацией карательной системы под нужды форсированной индустриализации.

Проведенный анализ позволяет выделить три ключевых итога трансформации режима. Во-первых, произошла окончательная подмена законодательного регулирования ведомственным нормотворчеством. Если в начале 1930-х годов «Положение об ИТЛ» и ИТК РСФСР еще выступали в роли реальных регуляторов, то к концу десятилетия верховенство закона стало декларативным. Секретные приказы и временные инструкции НКВД сформировали замкнутую, непрозрачную правовую среду, где ведомственный интерес ГУЛАГа доминировал над общеуголовными нормами.

Во-вторых, радикально изменилась сама концепция труда в местах лишения свободы. Труд перестал рассматриваться как средство воспитания и социальной адаптации, превратившись в инструмент сугубо экономической эксплуатации. Юридическое закрепление «шкалы питания» в зависимости от выработки и фактическая отмена системы зачетов рабочих дней к концу 1930-х годов означали отказ от принципа прогрессивного исполнения наказания. Режим содержания стал не способом исправления личности, а механизмом управления «живым инвентарем» в рамках мобилизационной экономики.

В-третьих, результатом этой эволюции стала полная утрата заключенным его правового статуса как гражданина. Личность в системе ИТЛ была окончательно деперсонализирована, превратившись в производственный ресурс. Демонтаж правовых гарантий, предусмотренных кодифицированным законодательством, вывел лагерную систему из-под контроля общества и прокуратуры, создав условия для административного произвола.

Таким образом, исторический опыт 1930-х годов наглядно демонстрирует опасные последствия сращивания карательного аппарата государства с его экономическими структурами. Урок этого периода заключается в том, что отказ от верховенства права в угоду государственной целесообразности неизбежно ведет к деградации правовой системы и полному обесцениванию человеческой личности. Теоретико-правовое осмысление этой трансформации остается необходимым условием для предотвращения подобных деформаций в будущем и развития современной системы исполнения наказаний на принципах законности и уважения прав человека.

Список литературы:

- [1] Детков М. Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. — М. : РИО Домодедово, 1992. — 156 с.
- [2] Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России (1917–1960). — Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. — 368 с.
- [3] Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). — М. : Академия МВД СССР, 1991. — 132 с.

References:

- [1] Detkov M. G. The content of the punitive policy of the Soviet state and its implementation in the execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the thirties and fifties. - M.: RIO Domode-dovo, 1992. - 156 s.
- [2] Smykalin A.S. Colonies and prisons in Soviet Russia (1917-1960). - Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 1997. - 368 p.
- [3] Kuzmin S.I. Correctional labor institutions in the USSR (1917-1953). - M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. - 132 s.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.